

УДК 821.161.1

А.А. Алексеев,
кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и социогуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет»
г. Шадринск, Россия
alexeevanatoly@yandex.ru
Е.Ю. Алексеева,
ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет»
г. Шадринск, Россия
alexeevanatoly@yandex.ru

Творчество Ф.М. Достоевского как художественное воплощение Евангельской любви

Статья характеризует Ф.М. Достоевского как писателя, сознательно воплотившего в своем творчестве православную концепцию обожения человека через его уподобление жертвенной любви Иисуса Христа к ближним. Она показывает центральное место христианской любви и страдания в художественном мире Достоевского.

Ф.М. Достоевский, Православие, русская классическая литература XIX века, русский духовный реализм, христианская любовь, страдание.

A.A. Alexeev,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Philology and
Social Sciences and the Humanities
Shadrinsk State Pedagogical University
Shadrinsk, Russia
alexeevanatoly@yandex.ru
E.Y. Alexeeva,
Shadrinsk State Pedagogical University
Shadrinsk, Russia
alexeevanatoly@yandex.ru

The creativity of Fedor Dostoevsky as an artistic embodiment of the Christian love

The article characterizes Fedor Dostoevsky as a writer, who consciously embodied the Orthodox conception of salvation in his work. He believed, that human must shall be like Jesus Christ from coming through the sacrificial love to near people. The article shows the central place of Christian love and suffering in Dostoevsky's artistic world.

Keywords: *Fedor Dostoevsky, Russian Orthodoxy, Russian classical literature of XIXth century, Russian spiritual realism, Christian love, suffering.*

Д.С. Мережковский в своей статье о романе «Преступление и наказание», известной нам сегодня под названием «Достоевский», назвал писателя «поэтом Евангельской любви». Он писал: «Любовью дышит вся его книга, любовь – её огонь, её душа и поэзия. <...> Он понял, что наше оправдание пред Высшим Существом – не в делах, не в подвигах, а в вере и в любви» [7, с. 126].

Творчество Ф.М. Достоевского 1865-1881 годов – это творчество открыто православного художника, на чем он сам же, кстати, усиленно настаивал. Но для православного христианина формула «восстановление погибшего человека», которую прозаик сам назвал в 1864-м году целью современного ему искусства [3; Т. 20; с. 28], приобретает совсем иной смысл, чем для европейского писателя. За темой гибели человека он теперь прозревает не бытовую нищету и моральную порочность жизни, а духовно-

нравственный распад и прижизненное умирание человеческой души. **Воскресить духовно погибающего человека можно только любовью.** Ни миллион, ни высокий социальный чин, ни чья-либо благотворительность сами по себе не предотвратят возможной гибели убийцы Раскольникова или нигилиста Ипполита Терентьева, «инфернальницы» Настасьи Филипповны Барашковой или купеческого сына Парфёна Рогожина, не разрешат «проклятых» вопросов Аркадия Макаровича Долгорукого, Гани Иволгина, семейств Снегирёвых и Мармеладовых, Дмитрия и Ивана Карамазовых и других характерных для Ф.М. Достоевского героев. Их может спасти только человеческое участие, только та любовь, о которой говорил и которую нес в себе Христос. В сущности, для их спасения нужно чудо Божие, когда **Божественная любовь, изливаясь посредством любви окружающих человека людей (хотя бы одного), покрывает и исцеляет все тяжкие духовные и нравственные раны, нанесённые прежде, включая духовно смертельные. Бог призывает человека через Свою любовь, обращенную к нему, к духовно-нравственному преобразению через несение своего жизненного креста (добровольное принятие жизненного страдания как покаяния в прежде сотворённом тобою зле) и, если его душа откликается на нее, то это преобразование начинается в ней** (Родион Раскольников, Митя Карамазов, Иван Шатов, Аркадий Долгорукий). Эта любовь воскрешает: она оказывается сильнее зависимости человека от морально разложившейся среды, от растлевающих его модных идей, от сатанизирующих его диких порывов безумных эгоистических страстей.

Действие этой любви можно проиллюстрировать простой притчей. Допустим, у Вас есть одно хорошее яблоко и ящик яблок гнилых. Если Вы положите хорошее яблоко в этот ящик, то очень скоро испортится и оно, заразившись от них. Это аналогия действия обычной добродетели, когда её носителем является обычный грешный человек. Дурные компании развращают добрую нравственность, - говорит апостол Павел. Но когда мы имеем дело со святыми, то вокруг них происходит прямо противоположный процесс, то есть совершается чудо. Один святой духовно исцеляет тысячи людей. Здоровое яблоко делает все яблоки вокруг – здоровыми. Вот сила Евангельской любви!

Слово «любовь» сегодня одно из самых «заболтанных», намеренно обесцениваемых в ходе современной информационной войны, готовящей приход антихриста. Чтобы вернуть ему первоначальный смысл, обратимся к православному наследию. Митрополит Сурожский Антоний оставил нам прекрасную проповедь о сущности любви: **«Когда я нахожусь лицом к лицу с человеком, которого вижу глазами любви, не глазами безразличия или ненависти, а именно любви, то я приобщаюсь этому человеку, у нас начинается нечто общее, общая жизнь. Восприятие человека происходит на глубине, которая за пределами слов, за пределами эмоций.** Верующий сказал бы: когда я вижу человека в этом свете, в свете чистой любви, то я вижу в нем образ Божий, икону. Знаете, каждый из нас представляет собой икону, образ Божий, но мы не умеем этого помнить и не умеем соответственно относиться друг к другу. Если бы только мы могли вспомнить, что перед нами икона, святыня!.. Это совсем не значит, что такая икона во всех отношениях прекрасна. Мы все знаем, что порой случается с картиной великого мастера, или с иконой, или с любым произведением искусства, с любой формой красоты: любая красота может быть изуродована – небрежность, обстоятельства, злоба могут изуродовать самый прекрасный предмет. Но когда перед нами произведение великого мастера, картина, которая была отчасти изуродована, осквернена, мы можем в ней увидеть либо испорченность, либо сохранившуюся красоту. Если мы смотрим на эту картину, на любое произведение искусства глазами изумленной любви, то видим прекрасное, а об остальном можем горевать, плакать. И мы можем решить, порой, всю жизнь отдать на то, чтобы всё поврежденное в этом образе, в этой картине, в этом произведении искусства – восстановить. Это дело любви: посмотреть на человека и одновременно и увидеть в нем его неотъемлемую красоту – и ужаснуться тому, что жизнь сделала из него, совершила над ним.

Любовь – это именно и есть крайнее, предельное страдание, боль о том, что человек несовершенен, и одновременно ликование о том, что он так изумительно, неповторимо прекрасен.

Вот если так посмотреть на человека хоть один раз, можно его полюбить, несмотря ни на что, вопреки всему, что бросается в глаза другим людям...

И вот нам надо помнить, что **единственный способ возродить человека, единственный способ дать человеку возможность раскрыться в полноте – это его любить; любить не за его добродетели, а несмотря на то, что он несовершенен, любить просто потому, что он человек, и потому, что человек так велик и так прекрасен сам по себе.** В это мы можем верить всегда. Мы не всегда можем это видеть, только глаза любви могут нам позволить прозреть это. На человека можно смотреть безразличным взором – и тогда мы ничего не видим, мы замечаем только внешние проявления, черты лица, расцениваем человека так же, как мы расцениваем всё прочее: собаку, лошадь или предмет, который мы хотим купить. **Нам надо учиться видеть человека таким, какой он есть в самой своей глубине, в самой своей сущности, и соответственно к нему относиться.** Так относится к нам Бог. Бог нас любит не потому, что мы хороши, Бог к нам милостив не потому, что мы заслуживаем милость или любовь: Он нас просто любит. **Если мы способны быть благодарными за то, что нас кто-то – Бог или человек – может любить без всякого основания, просто потому, что его сердце через край переливается к нам, мы можем стать другими людьми»** [1; с. 97–98. Выделено мной.– А.А.].

Именно это означали слова Ф.М. Достоевского в его записной тетради 1880-1881-го годов: «При полном реализме найти в человеке человека!» [3; Т. 27; с. 65] **Не рациональное познание теоретической истины было главным для писателя-пророка, а «проникновение» в другого человека и в Бога посредством любви.** Как писал Вяч. Иванов: «Проникновение есть некий transcensus [переход – А.А.] субъекта, такое его состояние, при котором возможным становится воспринимать чужое я не как объект, а как другой субъект. <...> и открывается возможность этого сдвига только во внутреннем опыте, а именно в опыте истинной любви к человеку и к живому Богу, и в опыте самоотчуждения личности вообще, уже переживаемом в самом пафосе любви. <...> При условии этой полноты утверждения чужого бытия, полноты, как бы исчерпывающей все содержание моего собственного бытия, чужое бытие перестает быть для меня чужим, «ты» становится для меня другим обозначением моего субъекта. <...> **проникновение [Ф.М. Достоевского – А.А.] в чужое я, как акт любви, как последнее усилие в преодолении принципа индивидуации, как блаженство постижения, что «всякий за всех и за всё виноват»,– содержало в себе постулат Христа, осуществляющего искупительную победу над законом разделения и проклятием одиночества, над миром, лежащим во грехе и в смерти»** [5; с. 178–179].

Гениальный российский ученый 1-й половины XX-го века М.М. Бахтин, развивая ивановскую идею о том, что в художественном мире Ф.М. Достоевского господствует принцип «ты еси», выдвинул концепцию «полифонического» романа Ф.М. Достоевского. Суть ее состоит в том, что писатель в своем художественном мире, в своих повестях и романах, подобен христианскому Богу. Он сотворил всех своих действующих лиц, но при этом, как и наш Творец, предоставил им полную свободу. Каждый из них имеет своё достаточно цельное мировоззрение, свою идеологию жизни, отстаивая её в споре с другими персонажами и даже с самим автором. Разве не Ф.М. Достоевский сотворил Ивана Карамазова, но Иван Карамазов – один из сильнейших противников мировоззрения Достоевского не только в XIX-м, но и в XXI-м веке, по силе своих аргументов превосходящий, в сущности, всех прочих философских оппонентов великого гения! Герои Ф.М. Достоевского подобны живым людям, потому что в реальной жизни так и происходит: всякий человек сам решает главные вопросы своего бытия, даже если в этом случае он

входит в противоречие с могущественными и авторитетными для него силами, включая не только идеологию своего времени, но и самого Бога. Они – «герои-идеологи», как назвал их М.М. Бахтин, и разговаривать с ними можно только посредством любви к ним, которая и была к ним у Ф.М. Достоевского, иначе они откажутся с вами разговаривать.

В этом смысле русский писатель никогда не навязывал свою точку зрения ни читателю, ни, условно говоря, персонажам романа. Каждый из них в рамках единого романного пространства самостоятельно участвует в прениях об истине. Автор в результате избегает прямой тенденциозности, которая у других писателей обычно проявляется в том, что героев ставят в неравные условия, когда позиция противника дискредитируется, например, с помощью того, что противник представляется заведомо глупее, чем носитель авторского идеала или (и) безнравственнее, или (и) эстетически непривлекательнее (безобразнее). Это ведёт к тому, что романы Ф.М. Достоевского строятся полностью на диалоге героев и их цельных идеологических позиций, а вся эстетика и поэтика его произведений предполагают диалогическую структуру формы [2, с. 6–7]. И.А. Есаулов указывает, что **полифония Ф.М. Достоевского является одним из проявлений присутствия в его романах православной соборности**, то есть отображением совместной жизни православных христиан в любви к Богу и к ближнему своему, как к самому себе [4; с. 110], другими словами, православного менталитета автора.

Авторская любовь русского гения к своим героям порождает и такое качество его произведений, отмеченное М.М. Бахтиным, как принципиальная незавершенность их сюжетных судеб. Всякий из них, как и любой живой человек, еще имеет время на покаяние и исправление, на метанойю – «изменение ума», то есть на то, что должно произойти с человеком в результате таинства его покаяния. Для чуда спасения души необходим ответный порыв спасаемого человека навстречу Богу, синергия (то есть сотворчество Бога и человека). Он предполагает раскаяние в соделанных за жизнь грехах и добровольное и сознательное принятие страдания за свою вину. Для Ф.М. Достоевского такое страдание – один из краеугольных камней его философии жизни. В 1873 году он писал: «Я думаю, **самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания**, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. [...] Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьёт ключом из самого сердца народного. **У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье для него неполно.** [...] **Страданием своим русский народ как бы наслаждается.**» [3; Т. 21; с. 36. Выделено мной – А.А.]. Писатель считал, что русский народ любит такое страдание и никогда от него не откажется. Почему? Возможно, что самый короткий и понятный для нашего современника ответ был дан А. Блоком, когда поэт назвал три свои программные поэтические книги «трилогией вочеловечения». Александр Блок не только поэт-лирик, но и продолжатель философии В.А. Соловьева, продолжавшего и развивавшего некоторые важнейшие религиозно-философские идеи Ф.М. Достоевского. Человеческая жизнь предстает перед ним как путь к тому, чтобы стать человеком, путь «вочеловечения». Возникает аналогия с Иисусом Христом, который до Своего рождения от Девы Марии не имел человеческого тела и человеческого облика. Две тысячи лет тому назад Он родился, вочеловечился, хотя, по представлениям православного богословия, существовал вечно. И любой младенец, рождаясь на земле и получая свое тело, еще далек от того, кем он должен стать. Только пройдя путь искушений, страданий, терзаний, потерь, он может стать человеком. Поэтому он не должен бояться страданий, поскольку без них он так навсегда и останется духовным младенцем, духовно беспомощным и малосильным. **Только пройдя необходимый путь страданий, младенец становится человеком, взрослея и превращаясь в личность.** Только такой человек способен на ответственное поведение, на осознанный выбор в трудной ситуации, только он может предстать перед Богом в конце своего пути,

чтобы дать ответ за всё совершённое им на протяжении жизни, за свои дела, упования и стремления. Вот почему простые русские люди, с которыми столкнулся писатель на каторге и в армии, не боялись страдания и не считали его злом, в отличие от русских интеллигентов и европейцев.

В XX-м веке хорошо сказал о значении страдания Иван Ильин: **«Страдание – далеко не зло; страдание – это, так сказать, цена за духовность, за ту священную грань, за которой начинается преображение животной сущности человека в сущность ценностную; это – конец беспечной жажды наслаждений, которая увлекает за собой человека и повергает его вниз; страдание – источник стремления к духовности, это начало очищения и очевидности, оно – необходимый, драгоценный стержень характера, мудрости, созидательного труда. Поэтому мудрость жизни заключается не в бегстве от страданий как мнимого зла, а в добровольном возложении на себя бремени грядущих страданий как некоего дара и залога, в использовании этого источника для очищения своей души»** [6; Т. 6, Кн. 3, с. 473. Выделено мной – А.А.]. В сегодняшние дни, когда в моде расслабленность и упование на «легкую» жизнь, «легкие» деньги и «легкую» славу, эти слова ставят всё на свои исконные места.

То, что сделал Достоевский в литературе, было попыткой адекватно передать православное понимание Христовой истины другим людям. Существует восточная притча о свече и бабочках. Однажды несколько бабочек увидели свечу. Три из них решились слетать и посмотреть, что это такое. Первая бабочка пролетела подальше от свечи: она была самая осторожная. Вернувшись, она сказала: «Это – свет!». Вторая пролетела намного ближе и, вернувшись, сказала: «Это – свет и тепло!». Третья полетела прямо на огонь. Она сгорела в пламени и не вернулась. Эта бабочка знала всё, но уже никому ничего не могла сказать. Если перевести восточную притчу на язык христианской культуры, то первая и вторая бабочки – это учёные исследователи истины, каждый из которых по-своему прав, поскольку видят они истину частично, под своим углом зрения, и не могут дать полного знания. Третья бабочка – это Христос, который пошёл туда, откуда не возвращаются, – на смерть, но совершилось чудо, и, в отличие от земной бабочки, Он воскрес, и от Него христиане узнали полноту истины и что она из себя представляет. Но **добыча этой истины из теоретического познания мира и жизни превращается в прохождение через страдание во имя высшей любви и смерть–воскресение**. Достоевский не просто жаждал узреть эту Истину с самого детства (в нём был неистребимый дух русского правдоискательства), он не щадил себя в её познании, насколько это возможно, уподобляясь именно третьей бабочке. Это стоило ему великих страданий и несчастий, но, хранимый Богом, он всё же сумел описать в своих произведениях и оставить нам свой сокровенный опыт. Это и стало содержанием его великих романов. Но, раз у них было такое необычное содержание, то и форма их тоже оказалась необычной. Они на самом деле были ближе всего не к европейским социально-психологическим романам, от которых он взял многие внешние приемы, а к книгам Библии: к Евангелиям, Апокалипсису, Книге Бытие, Книге Исход, Книге Иова, Книге Экклесиаста, Книге пророка Ионы... На художественную форму романов писателя сильно повлияло и такое православное таинство, как исповедь, требующее предельного, искреннего раскаяния в совершенных грехах и воли к духовному самопреображению. В подтексте произведений Ф.М. Достоевского скрыты Библия и Православие.

Всё есть в его произведениях: художественность, с которой он так ярко раскрывает перед нами своих героев, обнажая их бездонные души, в которых совмещаются бездна вверху, уводящая в Небо, и бездна внизу, ниспадающая в ад; духовность, заполняющая его произведения до краёв, когда реализм, не приученный к такому перевесу духовного над материальным, только что не трещит по швам; любовь, в которой есть всё: и всепрощающая Евангельская авторская всечеловечность, и страстная рогожинская плоть, прячущая за

пазухой, по соседству с нательным крестиком князя Мышкина, обнажённый нож, и мышкинское желание всем помочь и всех спасти; и страдание, без которого для Достоевского невозможно никакое счастье, никакое преодоление жизни и победа над ней; и Россия, в которую он был так влюблён и которой служил почти так же, как и Богу.

И как художник, и как идеолог своего времени он был удивительно смелым человеком. Он как будто даже и не замечал стереотипов своего времени, перед которыми в нерешительности и страхе останавливались многие его современники, и перешагивал через них во имя Истины. При этом, в отличие от Раскольникова и Ивана Карамазова, он не противопоставлял себя остальной части человечества, не считал себя выше остальных людей, не презирал, а любил их, видя в них доброе начало – даже в тех, которые, казалось бы, полностью заглушили его в себе, не осуждал, а жалел их, как не осуждал и жалел людей Иисус Христос. Во всём у него проявлялось то, что он был истинным христианином, несмотря на всю свою внешнюю страстность и порывистость, а – иногда – раздражительность и задавленность жизнью. На протяжении своих последних 16-ти лет, идя от произведения к произведению, писатель сформировал собственную, новаторскую эстетику и поэтику, создал свой новый, «фантастический» реализм (другими словами, собственный вариант русского духовного реализма). В основу этого нового реализма была положена христианская идея «обожения» человека через его уподобление Христу в жертвенной любви. В традиции европейской философии её можно было бы сформулировать так: «Я люблю, подражая Христу вплоть до жертвы собой, следовательно, я существую и буду жить вечно». Высшим воплощением этой идеи стали у Ф.М. Достоевского его герои Соня Мармеладова, Князь Мышкин, Макар Долгорукий, Алеша Карамазов и старец Зосима. В них ярче всего воплотилась его победа над мировым злом и материальным законом смерти.

Каждое своё произведение Фёдор Михайлович вынашивал, как дитя, созерцая, страдая, любя и вкладывая в него всё то, что давали ему мир Божественный и мир земной. Кто, как не он, мог прозреть, где добро, а где зло, где свет, а где – тьма, где любовь, а где – ненависть? Всё это вкупе и давало ему надежду на то, что он будет жить и дальше и творить снова, в очередной раз после очередного эпилептического припадка. В результате Достоевский стал тем гением, которому сказали спасибо последующие поколения Земли – в лице его бесчисленных читателей и почитателей: книголюбов, учёных исследователей и великого множества простых людей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Антоний (Сурожский), Митрополит. Глазами любви... / Митрополит Сурожский Антоний // Благодатный дом. Календарь на 2015 год. – СПб. : Диалог, 2014. – С. 97–98.
2. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – Изд. 4-е. – М. : Советская Россия, 1979. – 320 с.
3. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990.
4. Есаулов, И.А. Христианское основание русской литературы: соборность / И.А. Есаулов // Литературная учеба. – 1998. – № 1. – С. 105–123.
5. Иванов, Вяч. Достоевский и роман-трагедия / Вяч. Иванов // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли / сост. В.М. Борисов, А.Б. Рогинский. – М. : Книга, 1990. – С. 164–192.
6. Ильин, И.А. Собр. соч. : в 10 т. / И.А. Ильин. – М. : Русская книга, 1997.
7. Мережковский, Д.С. Достоевский / Д.С. Мережковский // Мережковский, Д.С. Акрополь : избр. лит.-крит. ст. – М. : Книжная палата, 1991. – С. 108–126.

REFERENCES

1. Antonij (Surozhskij) Mitropolit. Glazami ljubvi... [Through the Eyes of Love ...]. *Blagodatnyj dom. Kalendar' na 2015 god* [The Blessed Home. Calendar for the year 2015]. Saints-Petersburg: Dialog, 2014, pp. 97–98.

2. Bahtin M.M. Problemy pojetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. Izd. 4-e. Moscow: Sovetskaja Rossija, 1979. 320 p.
3. Dostoevskij F.M. Poln. sobr. Soch: v 30 t. [Full collection of compositions: in 30 vol.]. Leningrad: Nauka, 1972–1990.
4. Esaulov I.A. Hristianskoe osnovanie russskoj literatury: sobornost' [Christian foundation of Russian literature: sobornost']. *Literaturnaja ucheba* [Literary studies], 1998, no. 1, pp. 105–123.
5. Ivanov Vjach. Dostoevskij i roman-tragedija [Dostoevsky and the novel-tragedy]. In Borisov V.M. (comps) *O Dostoevskom. Tvorcestvo Dostoevskogo v russskoj mysli* [About Dostoevsky. Dostoevsky's work in Russian thought]. Moscow: Kniga, 1990, pp. 164–192.
6. Il'in I.A. Sobr. Soch.: v 10 t. [Full collection of compositions: in 10 vol.]. Moscow: Russkaja kniga, 1997.
7. Merezhkovskij D.S. Dostoevskij [Dostoevsky]. Merezhkovskij D.S. *Akropol'*: izbr. lit.-krit. st. [Acropolis]. Moscow: Knizhnaja palata, 1991, pp. 108–126.